

Сны Истока

Сон в тысячу лет
Колыбельная горы Хого
Восход над деревом гинкго

СОН В ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Елена
Кондрацкая

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К64

Иллюстрация на переплете *Adamasto*
Внутренние иллюстрации *Евгении Морозовой (Eumiltn)*
Иллюстрации в тексте, на форзаце и нахзаце *Елены Кондрацкой*

Дизайн обложки *Кати Петровой*

Кондрацкая, Елена Анатольевна.

К64 Сон в тысячу лет / Елена Кондрацкая. — Москва :
Эксмо, 2023. — 416 с. : ил.

ISBN 978-5-04-172690-4

Мико и представить себе не могла, что в свои девятнадцать лет оставит родной дом, чтобы работать служанкой ёкаев — демонов, богов и духов Истока.

Мико ищет сестру, которую похитил кровожадный ёкай, и рёкан — потусторонний гостевой дом — её единственная зацепка. Но как вести расследование, если в мире Истока человек либо слуга, либо закуска? И что будет, если ненароком доверить свою жизнь коварному тэнгу?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кондрацкая Е.А., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172690-4

*Дева танцует.
Вдали от любимой спит светлячок
Уже тысячу лет.*

1. ЦВЕТУЩАЯ СЛИВА В САДУ ЧУДОВИЩ

Мико торопливо шлёпала босыми ногами по деревянному полу. Пол был только что вымытый и оттого блестящий и скользкий. Уже дважды она чуть не уронила поднос с ужином: вываренные добела глаза норовили выскочить из супа, а тарелка с подрумяненными языками едва не перевернула кувшин с золотым саке. Но Мико только ускорила шаг. Если она не поторопится, то ёкай¹ проголодается настолько, что сожрёт не только содержимое тарелок, но и её саму.

Го — пятая и последняя среди лучших ойран² — стояла у расписанных облаками дверей и сжимала в руках сямисэн³ так крепко, что Мико показалось, что гриф вот-вот не выдержит и треснет.

¹ Ё к а и — общее название для сверхъестественных существ на островах Хиношимы, заимствованное из японской мифологии. — *Здесь и далее примечания автора.*

² О й р а н — проститутка высшего класса.

³ С я м и с э н — трёхструнный щипковый музыкальный инструмент.

— Где тебя носит? — зашипела она, завидев Мико, и расшитые золотом рукава её чёрного кимоно взметнулись будто вороны крылья. — Гость устал ждать.

— Прошу прощения, госпожа Го. — Мико хотела было поклониться, но та выхватила у неё поднос. Да так ловко, что тарелки не покачнулись и не зазвенели. Сямисэн ударил Мико в грудь.

— Забери, — скомандовала Го. — И позови Йон. Гость хочет, чтобы она ему спела.

— Слушаюсь, госпожа Го, — Мико поклонилась и отступила в тень.

Ойран закатила глаза, села на пол у двери, поставила перед собой поднос, поправила рукава кимоно и изящным движением открыла дверь.

— Я вернулась, мой господин, — проворковала она, натянув очаровательную улыбку, и поклонилась.

Посреди комнаты полулежал на татами огромный, похожий на кальмара ёкай. Его белое блестящее тело было завернуто в юкату¹, два огромных выпуклых глаза смотрели в разные стороны, а зубастый рот скрывался за влажными щупальцами, словно за усами. При виде Го он расплылся в жуткой улыбке и то ли хихикнул, то ли икнул — в любом случае звук больше напоминал бульканье.

Мико брезгливо скривилась и, прижимая сямисэн к груди, побежала к покоям госпожи Йон. Повиляв по коридорам, она в нерешительности остановилась. За месяцы работы в рёкане² она так и не смогла выучить расположение коридоров и комнат. Рёкан, слов-

¹ Ю к а т а — летнее повседневное кимоно. Чаще всего из хлопка или льна. Юката — традиционная одежда на островах Хиношиму и Японии.

² Р ё к а н — гостевой дом.

но живой, менялся каждую ночь: лестницы каждый раз вели в разные места, новые комнаты появлялись, а старые — исчезали, коридоры удлинялись, превращаясь в настоящие лабиринты. Старожилы вроде Го, которые за десятки, а то и сотни лет уже срослись с рёканом, став его частью, никогда не терялись. Наоборот, для них существовали короткие пути, тайные ходы и комнаты. С новичками же вроде Мико рёкан забавлялся, меняя повороты и вечно заводя в тупики. Рёкан недвусмысленно говорил ей: «Тебе не сбежать».

Мико это не останавливало, и она терпеливо день за днём рисовала по памяти карту за картой, надеясь отыскать выход. И кажется, теперь, спустя три месяца упорной работы, наконец нашла путь. И, словно чувствуя её замысел, рёкан снова перемешал все коридоры, и вместо покоев Йон Мико оказалась в купальне.

— Ну, нет, только не снова, — пробормотала она, утопая в ароматном пару.

— Кто тут? Мой ужин? — проворковал низкий шипящий голос, и из молочно-белой воды выполз покрытый сотней глаз зелёный змей.

Мико побледнела и поспешила поклониться.

— Прошу прощения, господин, я уже ухожу! — выкрикнула она, таращась на свои ноги и пятясь назад. — Не хотела вас побеспокоить!

— Ты пахнешь человечинной, должно быть, ты очень вкусная.

— Я распоряжусь вас немедленно накормить! — Мико с окаменевшей улыбкой поклонилась ещё несколько раз и выскочила за дверь.

Сердце билось как сумасшедшее. Она так и не привыкла к виду чудищ, с которыми ей приходилось иметь дело каждую ночь. Чувство страха не покидало её ни на

секунду с заката до самого утра. И хоть человеческих работников рёкана посетителям было запрещено есть, наказания за это не предусматривалось, поэтому нет-нет, а пару раз в месяц гости кого-нибудь да сжирали. Так, на прошлой неделе ёкай отгрыз голову соседке Мико по комнате за то, что та во время купания недостаточно хорошо вычесала ему из шерсти блох.

Не трогали ёкаи только ойран, потому что те считались личной собственностью хозяйки рёкана — госпожи Рэй. И госпожа Рэй без раздумий убивала каждого, кто зарился на её сокровища. Даже прикасаться к пятёрке ойран без их согласия было нельзя.

— Ты что тут прохлаждаешься? — строгий голос госпожи Рэй нельзя было спутать ни с каким другим.

Мико подскочила, обернулась и поклонилась так низко, как только смогла.

— Прошу прощения, госпожа Рэй. Госпожа Го отравила меня найти госпожу Йон... А я заблудилась.

Мико неуверенно распрямилась и украдкой бросила взгляд на хозяйку. Госпожа Рэй, высокая, худая, в золотом кимоно напоминала гибкую змею, готовую к прыжку. Длинная белая шея держала фарфоровую голову с тяжёлой, украшенной цветами причёской. Фиолетовые глаза глядели надменно, а алые губы изгибались в ядовитой улыбке, демонстрируя ряд точёных клыков. В руках госпожа Рэй держала дымящуюся трубку.

10 За её спиной стоял мужчина — он был на две головы выше Мико, но госпоже Рэй доставал макушкой лишь до груди. Тёмные волосы небрежно взлохмачены, а глаза — чернее ночи, чернее самой темноты — влажно блестели, с любопытством изучая Мико. Он скользнул взглядом по её лицу, остановился на огромном уродливом шраме, который пересекал левую бровь, скулу

и спускался до самого подбородка. Ёкай хмыкнул, втянул носом воздух, и Мико практически услышала, как у него заурчало в животе.

Она судорожно сглотнула, вжала голову в плечи и с трудом удержалась, чтобы не отступить. И снова прижала сямисэн к груди, выставляя между собой и ёкаями никчёмную преграду.

Госпожа Рэй вздохнула так, словно на её плечах лежал весь мир, и взмахнула рукой. В стене за спиной Мико появилась неприметная дверь, сама собой распахнулась и резко затянула её внутрь. Мико вскрикнула, упала на спину, больно ударившись затылком, и подгоняемая всё той же силой, кубарем покатилась по полу. Катилась, пока не достигла конца коридора: ноги с грохотом ударились о стену, а верхняя часть туловища растянулась на полу. Мико застонала, не в силах подняться — коридор всё ещё продолжал вращаться перед глазами. Сямисэн, что Мико не выпускала из рук всё это время, чудом уцелел.

Дверь с четырьмя нарисованными цветками камелии открылась, и из неё выглянула Ёон. На вид её было не отличить от Го: то же чёрное кимоно, те же причёска и спрятанное за плотным макияжем лицо. Ёон без особого удивления посмотрела на Мико и ничего не сказала.

— Госпожа Го просила прийти в Облачную комнату, — выдавила Мико, протягивая сямисэн.

Ёон хмыкнула, взяла инструмент и, переступив через Мико, засемила в сторону лестницы.

Мико закрыла глаза и обмякла, ожидая, пока мир перестанет вращаться. На этаже ойран она была в относительной безопасности — гости и стражи сюда были не вхожи. Отлично, значит, есть время ещё раз подумать, как она будет выбираться.

Мико представила карту. За эти месяцы она нашла три коридора, которые никогда не меняли своего положения и все вели в покои госпожи Рэй — огромное крыло в восточной части рёкана. Там Мико иногда мыла полы вместе с другими служанками и заметила выход в сад. Куда приведёт этот путь, Мико не знала, но лучшего варианта у неё не было. Ни одна из дверей рёкана не вела на улицу, по крайней мере, если выйти пыталась служанка. За три месяца Мико ни разу не покидала стены рёкана. Пыталась вылезти в окно, но все они были защищены волшебством, и невидимая преграда удерживала лучше любых решёток. Возможно, защищён и сад, но Мико не могла задерживаться в рёкане дольше. Драгоценное время утекало сквозь пальцы, пока она драила купальни и носила ёкаям ужины.

Мико поднялась на ноги и прислушалась. В коридоре было тихо: все ойран разошлись развлекать гостей. После захода солнца рёкан наполнялся ёкаями, а к полуночи госпожа Рэй навещала самых важных из них. Мико выглянула в окно: луна высоко — надо торопиться.

Она юркнула в ближайший коридор — на лестницу для служанок, стараясь не дрожать от страха. Если стража поймает её на побеге, в лучшем случае госпожа Рэй её убьёт, в худшем — отдаст как развлечение кому-то из гостей.

12 В этот раз лестница вывела куда надо, в один из неисчезающих коридоров. У Мико, которая ничего не ела с самого утра, рот наполнился слюной, а живот свело от обилия ароматов с кухни, что пряталась за поворотом. Две человекоподобные жабы в синих хаори¹ тащили на блюде огромную

¹ Хаори — жакет прямого покроя без пуговиц, надеваемый поверх кимоно.

рыбину. Следом торопились три служанки с подносами. Мико вжалась в стену, стараясь не привлекать внимания. Сегодня она уже один раз не добралась до цели — её перехватили жабы-смотрители и велели отнести ужин гостю госпожи Го. Больше этого повториться не должно.

Дождавшись, пока коридор опустеет, Мико побежала прочь от кухни, стараясь ступать как можно тише. Выглянула из-за угла, оценивая обстановку. Как она и помнила, у входа в крыло госпожи Рэй сидели две жабы-стража и играли в карты. Отлично, позволяют себе вольности, значит, госпожи в покоях ещё нет.

Мико запустила руку за пазуху и вытащила мешочек, полный жирных зелёных кузнечиков, который днём стащила с кухни. Высыпала кузнечиков на пол и спряталась за ближайшей дверью. Кузнечики, оказавшись на воле, застрекотали.

— Ты слышишь? — сказал один стражник другому. И Мико живо представила, как вытянулась его тупая жабы морда, а выпученные глаза завращались в глазницах.

— Ага.

— Опять с кухни сбежали?

— Видать.

Стражи зашлёпали по полу огромными лапами, а Мико направилась к двери, что должна была вывести её из комнаты с другой стороны коридора, у самого входа в крыло госпожи Рэй.

Стражники за углом чавкали кузнечиками, и Мико бесшумно проскользнула за дверь, а потом и в покои госпожи. Замерла на мгновение, выдохнула и размяла холодные дрожащие руки. Вокруг было темно и тихо. Комнату, разделённую скользящими дверями, заливал серебристый лунный свет, очерчивая несколько расписных ширм, стол, заваленный свитками, и широкий фу-

тон¹ на невысоком помосте. Мико замерла. Свет лился из распахнутой двери, за которой раскинулся сад.

Мико сделала шаг навстречу свободе. За спиной что-то зашуршало. Она оглянулась, готовая сражаться за свою жизнь, но ничего не увидела.

Нельзя мешкать. Мико побежала. В последний миг она испугалась, что сейчас врежется в ту же невидимую преграду, что защищала окна, но этого не произошло. Мико вылетела на улицу, и её тут же укутало весенним ветром и сладким запахом цветущей сливы. Босые ноги коснулись мягкой травы. Несколько мгновений Мико так и стояла, не в силах поверить, что у неё получилось. Так легко и просто.

Она любовалась белыми цветками слив, лунной дорожкой на глади пруда, в котором блестели спины золотых карпов, и решала, в какую сторону лучше направиться. Но тут раздался удар невидимого колокола, и из окна верхнего этажа послышался крик:

— Служанка покинула дом! Служанка покинула дом! Найти её!

Мико рванула с места. Сердце бешено забилось и подпрыгнуло к самому горлу. Как они узнали? За шумом крови в ушах Мико не слышала, гонятся ли за ней, а страх не давал оглянуться. Она просто неслась сломя голову между деревьями в надежде, что сад вот-вот закончится и она сумеет затеряться. Только вот где затеряться? Мико не представляла, что лежит за пределами сада. Город? Лес? Море? Пустота?

14 Из-за деревьев впереди появились два стража с копьями.

— Ищи её!

¹ Ф у т о н — толстый матрас для сна, который расстилают на татами.

— Сам ищи!

— Тогда я первый её копьём проткну!

— Нет, я!

Занятые спором, они чудом не заметили Мико, и она резко развернулась в надежде скрыться от них за большим, поросшим мхом валуном. Но тут кто-то схватил её поперёк талии и потащил в противоположную сторону — в заросли кустарника. Мико хотела закричать, но ей тут же зажали рот. Мико дёрнулась, но её ударили под колени, повалили и вдавили в землю с такой силой, что с трудом получалось вдохнуть.

— А вот и беглянка, — чёрные глаза пленителя хищно блестели, а губы растянулись в оскале.

Мико похолодела. Лучше бы стражники закололи её копьями. Случилось худшее из возможного — Мико попала в лапы голодного гостя.

Это был тот самый черноглазый мужчина, которого Мико видела за спиной госпожи Рэй. Она забрыкалась, но ёкай всем телом навалился на неё, не позволяя не то что вырваться — вдохнуть. Блеснули белые, нечеловечески длинные клыки, и влажный язык обжёг щёку. Мико бы закричала от ужаса, если бы рука ёкая не зажимала ей рот. Предприняв ещё одну отчаянную попытку дёрнуться или хотя бы отвернуться от клыков, которые вот-вот должны были вонзиться в её шею, Мико заскулила.

— Лежи тихо, и всё закончится быстро, — шёпот ёкая защекотал ухо, и его язык прильнул к шее Мико там, где пульсировала артерия.

«Он сожрёт меня! Сожрёт! Сожрёт!» — стучало в висках в такт ударам сердца.

— Ну, где она? — за кустом послышался скрипучий голос стража. — Чуешь?

— Была тут, — ответил второй и добавил после паузы: — Кажется, побежала к камням.

Стражи зашлёпали лапами, удаляясь. Черноглазый ёкай расплылся в довольной хищной ухмылке. Весь его вид говорил Мико: «Никто нам не помешает».

Он подхватил Мико на руки, забросил на плечо, будто мешок, и поволок в глубь сада. Мико не сомневалась: туда, где никто не почует запаха её крови и не позарится на его добычу. Ёкай не собирался делиться.

Но Мико не могла сдаться. Она ещё слишком далека от своей цели, чтобы умереть сейчас. Теперь, когда ёкай не прижимал её к земле, она могла побороться за свою жизнь. Мико снова забрыкалась, извернулась и принялась осыпать макушку ёкая ударами кулаков. Тот недовольно зашипел, вжал голову в плечи, но не остановился. Мико схватила его за волосы и стала извиваться так, что её невозможно было удержать.

Ёкай зарычал, утробно и низко, как рычат звери, остановился, сбросил Мико на землю и, схватив за руку, хорошенько встряхнул. Плечо отозвалось болью, и Мико показалось, что он вот-вот оторвёт ей руку.

— Ах ты маленькая...

— Райдэн, что здесь происходит? — низкий бархатный голос заставил ёкая вздрогнуть.

Как по команде Мико и Райдэн обернулись. Мико обмерла. За ними, спрятав руки в широкие рукава голубого, расшитого золотыми цветами одеяния стоял высокий мужчина. Снежно-белые волосы ниспадали на плечи и грудь. Несколько прядей сплетались в тонкие косы, на концах которых развевались голубые ленты. Янтарные глаза глядели с тёплым спокойствием. Такое же спокойствие излучало и его бледное, но красивое лицо.

Райдэн оскалился, крепче сжал руку Мико и выступил вперёд, загоразвивая от незваного гостя свою добычу.

— Ничего, что бы тебя касалось, Акира, — голос Райдэна звучал угрожающе. Его плечи напряглись, а тело подалось вперёд, и Мико показалось, что он, как голодный зверь, вот-вот бросится в атаку.

Акиру его угроза, кажется, совершенно не тронула: ни один мускул на его каменном лице не дрогнул. И сам он напоминал непоколебимую мраморную статую, только волосы и ленты в них беспокоил лёгкий ветер.

— Отпусти девушку, — сказал он, смерив Райдэна строгим взглядом.

— Нет. — Тот выпрямился, оказавшись с Акирой одного роста.

— Райдэн.

— Нет.

— Я бы не хотел, — в голосе Акиры появился лёгкий, едва заметный нажим, но у Мико от этой перемены побежали по спине мурашки, — напоминать тебе о договоре.

Рука Райдэна дрогнула, но пальцы не выпустили Мико. Она притихла, надеясь, что ёкаи всё же сцепятся и ей выпадет шанс сбежать.

— Отпусти девушку, — повторил Акира. — И убирайся с глаз моих.

— Это... просто девчонка. — Райдэн сделал ещё одну попытку заслонить свой ужин.

— Я сам разберусь. Исчезни. И не заставляй меня повторять мою... просьбу в третий раз.

Несколько долгих мгновений пальцы Райдэна ещё держали запястье Мико, а потом разжались. Он запустил руку в волосы, оглянулся, сверкнув полным ненависти взглядом и... исчез.

Мико хотела тут же побежать, но встретилась взглядом с янтарными глазами Акиры, и они буквально пригвоздили её к месту. У Мико перехватило дыхание, а сердце вновь зашло сумасшедшей дробью. Боги Истока, как же он был прекрасен! Мико не могла оторвать от него глаз, щёки согрел румянец, замороженная, она даже перестала дышать. В сказаниях и легендах, в рассказах и кошмарных снах ёкаи всегда были пугающими, уродливыми и зубастыми. Так выглядели гости в рёкане и сама госпожа Рэй. И теперь Мико оторопела, не ожидая встретить кого-то настолько удивительно прекрасного. Акира будто весь был окутан солнечным светом, несмотря на царящую в саду глубокую ночь.

— Не бойся, человеческое дитя. — Акира сделал шаг к Мико, и она сжалась, каким-то чудом вспомнив, что перед ней вовсе не просто красивый мужчина, а настоящий ёкай — опасный ёкай. Ноги дрожали, не желая держать её перепуганное тело. — Я не трону тебя.

Акира присел на корточки и погладил Мико по голове. На его лице появилась тёплая улыбка, а в янтарных глазах разлился искрящийся мёд. Каменное спокойствие рассыпалось, будто скорлупа, уступив место весеннему теплу. На мгновение Мико показалось, что за его спиной расправились два крыла, белых с чёрной каймой. Журавлиные крылья. Цуру. Мико не сдержала вдоха облегчения, не веря своей удаче. Из всех ёкаев двора госпожи Рэй ей попался цуру — благосклонный к людям помощник.

— Ты потерялась, человеческая дочь? — ласково спросил Акира, продолжая гладить волосы Мико. — Или хотела сбежать от госпожи Рэй? Боюсь, если ты беглянка, мне придётся тебя вернуть.

— Нет! — вскинулась Мико. — Нет, прошу, отпусти меня!

— Решила сбежать от тяжёлого труда? — понимающе склонил голову Акира. — Я знаю, госпожа Рэй бывает жестока...

— Вовсе нет! Моя сестра... — выпалила Мико прежде, чем успела подумать, и затараторила, надеясь удержать внимание цуру: — Мою сестру Хотару похитил ёкай и утащил в земли Истока. Я пришла, чтобы её отыскать. Я не знала другого способа попасть в земли Истока, кроме как прийти на службу в рёкан на границе миров. Я слышала, что Хотару... Хотару упоминала про это место однажды...

Мико говорила сбивчиво и путано, но Акира не перебивал и внимательно слушал, склонив голову набок.

— Прошу, не отдавайте меня госпоже Рэй! Я должна найти сестру, она — единственное, что у меня есть. Пожалуйста...

Мико опустилась в сейдза¹ и поклонилась, ударившись лбом о влажную от росы землю.

— Пожалуйста!

Она не поднимала головы, только слышала, как тихо зашуршали одежды Акиры, его тёплая рука легла ей на затылок и стала успокаивающе поглаживать.

— Цуру не оставит в беде нуждающегося, — мягко сказал он.

Мико вскинула голову, сердце замерло и забилось с удвоенной силой. Глаза наполнились слезами, и лицо Акиры расплылось, янтарные глаза превратились в два тусклых огонька.

¹ С е й д з а — поза сидения на полу. Голени лежат на полу, бёдра — на внутренних сторонах голени, ягодицы — на пятках.

— Вы поможете мне? — воскликнула Мико, прикрывая рот трясущейся ладонью. — Прошу, помогите мне найти Хотару!

— Акира, не стоило утруждать себя поимкой этой служанки, — за спиной послышался стальной голос госпожи Рэй.

Мико вздрогнула, страхась обернуться. Этот голос мог значить только одно: кончено. Всё кончено.

— Схватить её! — скомандовала госпожа Рэй, и стражи позади забренчали доспехами, но Акира выступил вперёд, заслонив Мико собой.

— Сколько она стоит? — тихо спросил он, переводя взгляд с сжавшейся в комок Мико на госпожу Рэй. — Я хочу выкупить это человеческое дитя.

— А? Выкупить, Акира? — переспросила госпожа Рэй. Её тонкие брови взмыли вверх от удивления, а змеиный рот растянулся в ухмылке.

— Да, выкупить. Столько золота хватит? — Акира достал из рукава увесистый мешочек. Мико выпучила глаза. Столько не стоили даже ойран.

Акира бросил деньги, госпожа Рэй ловко их поймала, и её змеиная улыбка стала ещё шире, а в глазах заплясали голодные огоньки.

— Что ты в ней разглядел, Акира? — поинтересовалась она, взвешивая мешочек в ладони. — Что в ней особенного?

20 — Ничего, — просто ответил Акира. Если бы он что-то и разглядел, то явно не собирался откровенничать насчёт этого с госпожой Рэй. Она сощурилась, внимательно глядя на Акиру и усиленно раздумывая, не упускает ли какой выгоды, отдавая Мико. Упускать выгоды хозяйка рёкана не любила. Мико затаила дыхание в ожидании.

Госпожа Рэй щёлкнула пальцами, и в воздухе появились два свитка. Они развернулись, и Мико узнала контракт, который подписала кровью, когда поступала на службу в рёкан. Его госпожа Рэй бегло просмотрела и убрала в рукав. Второй свиток подлетел к Акире.

— Подписывай скорее! Читать не обязательно, — поторопила она, когда Акира забежал взглядом по строчкам. — Если ты ничего от меня не утаил, то и переживать не о чем. Ты же ничего не утаил, Акира?

— Ты же меня знаешь, Рэй.

— То, что я ни разу не ловила тебя на лжи, не значит, что ты не лгал, — цокнула языком госпожа Рэй и махнула рукой: — Подписывай скорее, не испытывай моё терпение.

Акира вздохнул и прокусил большой палец левой руки. Поморщившись, он приложил палец к свитку, оставляя отпечаток, и договор тут же свернулся и исчез — Мико и глазом не успела моргнуть.

— Вы, цуру, удивительные. Странные, но удивительные, — хмыкнула госпожа Рэй, кажется, довольная сделкой. — Не можете пройти мимо несчастных и никчёмных. Что ж, заглядывай ко мне в гости чаще, Акира. В следующий раз я подберу для тебя кого-то ещё более убогого. Но лучше зайди с чёрного хода. Если о твоих вкусах узнают мои ойран, воспримут это как оскорбление.

Она спрятала мешочек с золотом в рукав, кивнула Акире и гордо развернулась, чтобы удалиться. Мико облегчённо выдохнула.

Когда госпожа Рэй скрылась из виду, Акира обратился к Мико:

— Надеюсь, человеческое дитя, ты не боишься высоты, — с этими словами он подхватил замешкавшую-

ся с ответом Мико на руки и, расправив огромные бело-чёрные крылья, взмыл в ночное небо.

Мико вскрикнула и спрятала лицо на его тёплой груди. От Акиры пахло солнцем и весенним ветром.

2. ШРАМЫ И ОБЕЩАНИЯ

Мико и Хотару сидели на потрёпанном, но чистом татами в небольшом доме, что достался им от родителей. Сквозь распахнутые сёдзи¹ в комнату забиралась летняя влага, ветер лениво играл со стеклянным фурином² на крыльце. Его мелодичные звуки с трудом пробивались сквозь пение цикад, которые обосновались на дереве магнолии, что росло у самых дверей.

— Красивые же? Красивые? — Хотару завалилась на спину, вертя в пальцах янтарные бусы. Её длинные тёмные волосы шёлковыми лентами разметались по полу, розовые губы изогнулись в детской улыбке, а на загорелых щеках расцвёл румянец.

Мико перестала перебирать рис. Спину ломило от долгой работы, но она заставила себя улыбнуться сестре в ответ. Янтарные бусы — такие не полагалось

¹ С ё д з и — дверь, окно или разделяющая внутреннее пространство жилища перегородка. Она состоит из прозрачной или полупрозрачной бумаги, которая крепится к деревянной раме.

² Ф у р и н — стеклянный или металлический колокольчик с прикреплённым к язычку листом бумаги.

носить обычным людям. Их носили только монахи, и монахи же дарили янтарные бусы в день свадьбы членам императорской семьи — как знак благословения Сияющей Богини. Если Хотару увидят в этих бусах, могут и арестовать. Но сестре, кажется, было совершенно всё равно, она зачарованно любовалась тем, как солнечный свет играет в круглых бусинах.

— Красивые, — сказала Мико, но не смогла скрыть в голосе недовольство, и Хотару это, конечно, заметила.

— Что опять не так? — Она повернулась, надула губки, став выглядеть ещё младше своих лет. Её серая юката распахнулась, открывая взору несколько круглых синяков на шее и плече — подобные следы страстных поцелуев появлялись на коже Хотару всё чаще. Мико нахмурилась и отвела взгляд.

— Я просто хочу, чтобы ты была осторожна. — Она вернулась к корзинке с рисом. — Этот мужчина...

— Что? Что с ним? — Хотару села. Её прекрасного настроения как не бывало. — Он замечательный!

Мико старалась говорить спокойно. Хотару легко вспыхивала, и остудить её бывало непросто.

— Он дарит тебе... безделушки, встречается с тобой после заката, ни разу не зашёл к нам в дом. Замуж звать тебя не торопится, но позволяет себе вот это. — Мико кивнула на шею сестры.

Щёки Хотару стали пунцовыми, и она поспешила закрыть следы поцелуев ладонью.

— Ты не понимаешь, — она покачала головой, пряча глаза. — Всё не так просто...

— У него есть жена?

— Нет! Сияющая Богиня, как ты могла такое подумать?

— Тогда почему же он не зовёт тебя замуж? Неужто дело в том, что у меня ещё нет мужа? Я старше лишь на несколько часов. Он *настолько* почитает традиции? — Мико говорила сухо, с издёвкой, и с каждым словом раздражение всё больше пробивалось сквозь напускное спокойствие. Да, легко вспыхивала не одна только Хотару. Возможно, поэтому они обе до сих пор были не замужем — кротостью боги их с сестрой не наделили.

— Говорю же, всё не так просто! Он даже не знает, что у меня есть сестра! О такой чёрствой брюзге и рассказывать не хочется!

Мико больно кольнуло под рёбрами.

— Я даже не знаю его имени! А ты уже отдалась ему за это?! — Мико выхватила из рук Хотару бусы. Она больше не хотела защитить Хотару, она хотела сделать ей больно.

— А если и так? Завидуешь? — Хотару попыталась выхватить украшение, но Мико ловко вскочила на ноги, не давая ей это сделать. — Тебе никто подарков не дарит! И самой придётся платить деревенским мужикам, чтобы хоть кто-то из них не побрезговал такой уродиной!

Мико вздрогнула и коснулась шрама на щеке. Глубокая борозда тянулась от левого глаза к подбородку. Мико стиснула зубы, сжала бусы обеими руками и со всей силы дёрнула. Нить жалобно застонала, лопнула, и янтарные шарики рассыпались по татами.

24 — Прекрати! Верни! — Глаза Хотару наполнились слезами, она бросилась к Мико, повалила её на татами и принялась осыпать ударами маленьких кулачков. — Ненавижу тебя! Ненавижу! Верни всё как было!

Мико прижимала к груди оставшиеся на нити бусины так неистово, будто от них зависела её жизнь. Хотару ног-

тями вцепилась ей в ладони, и на юкату капнуло несколько рубиновых капель. Оседлав Мико, Хотару продолжала колотить её по голове, плечам, груди — везде, куда могла дотянуться. Мико терпела. Терпела и завидовала. Она завидовала Хотару столько, сколько себя помнила. Красивая младшая сестра, которая, если бы не смерть родителей, уже давно вышла бы замуж за богатого жениха. Талантливая младшая сестра, которая виртуозно играла на сямисэне, пела словно зарянка и танцевала подобно журавлю.

Мико же родители даже не рассчитывали выдать замуж, а потому с детства приучали к работе по дому, отец благосклонно позволял помогать в мастерской ковать мечи. И поэтому, в отличие от своей хрупкой и нежной сестры, Мико выросла крепкой, угловатой, а руки её давным-давно огрубели и покрылись мозолями.

И сейчас, после смерти родителей, Хотару и не думала рушить свой девичий образ жизни, продолжала танцевать и петь, наслаждаясь своей молодостью и красотой и пожиная её плоды, тогда как Мико была вынуждена взвалить на себя всю работу по дому, заботиться о пропитании и никак не могла найти на сестру управу, отчего злилась на неё ещё больше.

— Забирай! — крикнула Мико и швырнула бусы в угол комнаты.

Хотару взвизгнула и бросилась подбирать рассыпанный янтарь. Собрав бусины, она прижала их к груди и принялась баюкать словно ребёнка.

— Ты мерзкая и злая, Мико! Сияющая Богиня свидетель, лучше умереть, чем быть с тобой!

С этими словами Хотару бросилась в свою комнату, специально опрокинув по дороге корзинку с рисом.

— Лучше бы тебя никогда не было! — крикнула ей вслед Мико, заливаясь слезами.

Она ещё долго сидела посреди комнаты, глядя на рассыпанные рисовые зёрна и злясь на обидные, брошенные в запале ссоры слова сестры. В тот момент она правда хотела, чтобы Хотару исчезла, перестала бы каждодневно напоминать, какой у неё — Мико — жизни никогда не было и никогда не будет.

Тогда она видела Хотару в последний раз.

Мико открыла глаза. Похоже, Акира призвал чары, и она погрузилась в сон, как только мощные крылья цуру подняли их в небо. В голове звенело, а на языке ощущался горьковатый вкус жасмина. Мико всё ещё лежала на руках Акиры. Его туфли шуршали по каменной дорожке, мимо плыли сосны, а впереди высился белый замок с десятком изогнутых зелёных крыш. На востоке розовело небо. Они что, летели всю ночь?

— Полёты обычно утомляют, и я позволил себе шепнуть пару слов, чтобы время для тебя пролетело быстрее, — улыбнулся Акира, наблюдая за тем, как Мико озирается по сторонам.

Она, вдруг осознав, что её тело крепко обхватывают мужские руки, ойкнула и дёрнулась. Акира легко рассмеялся и аккуратно опустил её на землю.

— Прости, человеческое дитя, не хотел тебя смущать.

26

— Я не дитя, мне девятнадцать лет! — Мико зарделась, одёргивая задравшиеся до самых колен рабочие штаны.

Акира неторопливо разгладил складки на шёлковых одеждах. А Мико запоздало подумалось, что, возможно,

этому прекрасному ёкаю столько лет, что любой человек для него — не более чем ребёнок. И от этой мысли она почувствовала себя ещё более неловко и глупо.

— Как же мне тебя называть? — спросил Акира, глядя на Мико с нескрываемым интересом.

— М-мико. Можно просто Мико.

— Госпожа Мико?

— Нет! — Мико замахала руками. — Просто Мико. Я... мне... Мико — будет вполне достаточно.

— Хорошо, — благосклонно кивнул Акира, снова пряча руки в широкие рукава. — Тогда я просто Акира.

Он сказал это так просто, с такой лёгкой очаровательной улыбкой, что сердце Мико затрепетало. Стоило поклониться, поблагодарить за спасение или сказать что-то ещё вежливое и воспитанное, но все слова попросту исчезли из головы. Она так и стояла молча, очарованно глядя в тёплые глаза цуру. Не дожидаясь ответа, Акира снова улыбнулся, развернулся и направился вверх по дорожке — в сторону замка. Мико пошла было следом, но замерла и тряхнула головой, напоминая себе, что она всё ещё не в безопасности. В землях Истока нельзя быть в безопасности, с ёкаями нельзя быть в безопасности, даже с такими очаровательными и притягательно-прекрасными, как Акира. Она в нерешительности затопталась на месте, то глядя на замок, то оглядываясь назад, где исчезали в утреннем тумане сосны.

— Ты идёшь? — Акира обернулся.

— В замок? Кто там живёт? — Мико с подозрением уставилась на огромное строение.

— Я. А ты будешь моей дорогой гостьей, — Акира невозмутимо продолжил путь.

Мико, потоптавшись ещё мгновение, побежала следом. Остаться одной в тумане неизвестно где или при-

нять приглашение цуру, который располагал нужными ответами, — выбор был очевиден.

— Моя сестра Хотару! — встрепенулась Мико, поравнявшись с Акирой. — Ты же сможешь мне её найти?

— Как и обещал, я помогу тебе с поисками. Одна ты в землях Истока долго не протянешь, а в моём замке безопасно. Можешь оставаться столько, сколько посчитаешь нужным.

Мико недоверчиво посмотрела на Акиру. Всем известно, что цуру добры к людям и всегда готовы протянуть руку помощи, но такая щедрость заставляла Мико чувствовать себя неудобно.

— Спасибо, что помог мне. Я заработаю денег и верну золото, что ты на меня потратил, — сказала она, сомневаясь, что сумеет столько заработать за всю свою жизнь. — И за еду я отработаю. Я могу выполнять работу по дому!

— В моём доме достаточно слуг, — пожал плечами Акира. — Не беспокойся о плате. Мне достаточно знать, что помогаю я тебе в благородном деле.

— Если слуги тебе не нужны... Я умею ковать недурные мечи! — Мико не сдавалась.

Акира бросил на неё удивлённый и заинтересованный взгляд.

— Женщина куёт мечи? Где же такое видано?

Мико стиснула зубы. Сколько раз она слышала эти слова — и не сосчитать.

28

— Я помогала отцу. Он был одним из лучших мастеров Хиношимы. И я знаю все его секреты. Могу выковать такой меч, что рассечёт крыло бабочки!

— Что же плохого сделала тебе несчастная бабочка? — рассмеялся Акира и указал пальцем на лицо Мико: — А это плоды твоего мастерства?

Мико схватилась за шрам и метнула на Акиру гневный взгляд.

— Нет. Я не помню, как получила этот шрам, но с моей работой он никак не связан.

Это была лишь часть правды. Мико помнила обрывки того дня. Помнила, как девять лет назад они с Хотару играли в прятки на опушке леса неподалёку от дома. Помнила, как забрела в лес. А потом воспоминания превратились в разрозненные осколки. Вот Мико стоит у огромного водопада. Вот её кто-то тащит сквозь листву. Она кричит и брыкается. А потом ей было очень больно. Тёмная фигура, спрятанная в солнце. И следующая картина — спина отца, заслонившего собой Мико, с катаны в его руках капает кровь. Мико так и не вспомнила, кто на неё напал, а отец никогда не заговаривал об этом, сколько бы она его ни просила. Он лишь удивлялся и качал головой:

«Ты сама поранилась где-то в лесу, Мико. Вышла оттуда вся зарёванная, в крови и до смерти напугала Хотару. Меня там и близко не было», — повторял он, и Мико не знала, чему верить: смазанным картинам своей памяти или словам отца.

— В любом случае мечи мне тоже не нужны, — нежный голос Акиры выдернул Мико из когтей воспоминаний. — Но если тебе обязательно хочется со мной расплатиться, я подумаю, что это может быть за плата. Такой уговор тебя устроит?

Мико с готовностью кивнула. Акира сверкнул янтарными глазами и протянул ей мизинец.

— Тогда — уговор, — сказал он.

Мико обхватила его мизинец своим:

— Уговор.

3. ЁКАЙ В ВЫСОКОМ ЗАМКЕ

Акира выделил Мико просторную комнату на верхнем этаже замка. На татами лежал такой широкий футон, что на нём могли поместиться две, а то и три девушки её комплекции. Таких Мико не видела, даже когда в их доме водились деньги. Футоны — дорогое удовольствие и были только у родителей, Мико и Хотару же, как и многие, спали прямо на татами. А после смерти родителей позволяли себе забираться в их футоны только зимой, чтобы сохранить ткани целыми подольше. В рёкане госпожи Рэй Мико и вовсе спала на тонкой циновке. А уж такой шикарный футон в Хиношима мог себе позволить разве что сам император. Но здесь, в землях Истока — Мико оглянулась на дверь, — либо Акира был баснословно богат, либо футоны не стоили целое состояние.

— Конечно, он богат, живёт же в настоящем замке, — пробубнила она себе под нос, продолжая оглядывать комнату.

Белые стены украшали простые деревянные панели, на низком столике стояла ваза со свежими цветами. Пройдя мимо ряда утопленных в стену шкафов, Мико подошла к окну. Замок устроился на вершине холма, и вниз, к широкому рву, тянулись лабиринты переходов, зелёных крыш и садов. Интересно, сколько же тут жителей? Из-за тумана ли, но улицы казались пустынными. Впрочем, может быть, местные, как и гости в рёкане, предпочитали ночной образ жизни?

Мико закрыла окно и заглянула в самый большой стенной шкаф. Там обнаружили десятки разноцветных кимоно: от простых юкат до расписанных золотом шёлковых фуригодэ¹. У Мико даже глаза разбежались от такого разнообразия. Кому принадлежали все эти вещи? Или — мелькнула смущённая мысль — это всё для неё? Мико провела пальцами по нежным тканям. Жаль, что тут не нашлось хакама². Если она собирается искать Хотару, штаны оказались бы практичнее. И тут её пальцы наткнулись на чёрные широкие хакама. Мико готова была поклясться, что мгновение назад их здесь не было!

— Как же это... — пробормотала она, разглядывая плотную хлопковую ткань.

В рёкане госпожи Рэй подобных чудес не случалось, там Мико каждый день находила в общем шкафу только грязно-серую робу из штанов, едва прикрывавших икры, и широкой рубахи с запахом.

В дверь постучали, и в комнату заглянула маленькая девочка с короткими ярко-красными волосами. Глаза её были большими, жёлтыми и напоминали кошачьи. Мико оглядела гостью. Не раз она видела изображения этих существ в книгах, не раз слышала о них в сказках, но всё равно удивилась. Неужто это и есть акасягума? Так вот как выглядят настоящие домовые духи?

— Прошу прощения за беспокойство, госпожа. Мы подготовили купальню к вашему визиту.

По дороге Мико любовалась росписью замка. Умелая рука художника изобразила на стенах и дверях горы

¹ Ф у р и с о д э — традиционное кимоно с длинными рукавами для незамужних девушек и невест.

² Х а к а м а — длинные широкие штаны с семью складками, похожие на юбку.

и сосны, небеса и реки, рычащих тигров и танцующих журавлей. Были на картинах и пейзажи земель Источка — таинственного мира богов, демонов и духов, невольной гостьей которого стала Мико. А где-то в его недрах затерялась и Хотару.

Затерялась. Мико остановилась напротив картины, изображавшей гору, с вершины которой лился, превращаясь в облака, водопад. Есть ли хоть призрачный шанс отыскать Хотару? Ведь если верить легендам, ещё ни один смертный не вернулся из земель Источка в человеческий мир.

Акасыгума остановилась и терпеливо ждала, пока Мико закончит разглядывать картину. Мимо вихрем пронесли ещё четверо таких же красноволосях ребятшек с ведрами и тряпками. Сколько же домовых духов в этом замке?

В купальне Мико ждали ещё трое маюток. Они ловко раздели её, усадили на стульчик и принялись обливать водой, мылить и натирать мочалкой. Мико вяло возмущалась такому своеволию со стороны духов, но они не обращали внимания и её, уже чистую до скрипа и совершенно голую, толкали на улицу — в огромный, огороженный валунами онсэн¹. От зеленоватой воды поднимался пар, а с одной стороны, не заслонённой камнями и перегородками, открывался великолепный вид на лес и гору. Мико пригляделась: уж не та ли это гора, что попала ей на картину? Но разглядеть в утреннем тумане водопад не удалось.

32 Удостоверившись, что Мико успешно погрузилась в воды горячего источника, акасыгума умчалась прочь, наконец оставив её в полном одиночестве.

¹ О н с э н — горячий источник, предназначенный для купания.

Обжигающе горячая вода пахла солью и хвоей. Мико сползла пониже, на каменистое дно, чтобы вода касалась подбородка, и закрыла глаза.

Перед мысленным взором возникла разгромленная комната Хотару. Мико заглянула к ней только к вечеру следующего дня после ссоры, когда Хотару не спустилась к ужину. И до сих пор корила себя за то, что не сделала этого раньше. Возможно, тогда она могла бы помочь, не дать её забрать.

Мико отупело смотрела на разбросанные по полу вещи и украшения, недоумевая, как она ничего не услышала. Среди беспорядка нашёлся дневник Хотару. Мико перелистала страницы в поисках чего-нибудь, что могло бы ей подсказать, куда исчезла сестра. Тогда-то ей и открылась страшная правда. Возлюбленный Хотару вовсе не был женат. Он даже не был человеком.

«Вчера милый пел мне песни о золотых землях Истока. Моя любовь, увижу ли когда-нибудь я те края, откуда ты родом?» — строки дневника заставили Мико содрогнуться.

Ёкай. Хитрый, хищный ёкай охмурил её маленькую сестрёнку, задурил ей голову и уволок за собой в земли Истока. Но сколько бы Мико ни листала дневник, не нашла ни имени, ни описания злодея. Всё, что ей досталось, — маленькая, возможно, ничего не значащая подсказка.

«Милый обещал, что мы послушаем, как поют ойран госпожи Рэй».

Мико похолодела. О рёкане госпожи Рэй ходили слухи даже среди людей. Это было одно из немногих мест земель Истока, куда могла ступить нога смертного. Отчаявшиеся бедняки продавали госпоже Рэй своих дочерей или самих себя. Другие иной раз заключали с ней сделки,

которые тоже раз за разом приводили их или их близких на порог рёкана.

Той же ночью Мико ступила в чащу Сумрачного леса, чтобы отыскать вход в земли Истока, не зная, сумеет ли однажды вернуться домой.

Она вдохнула полной грудью и снова почувствовала сырость поросшего мхом Сумрачного леса. Лес начинался сразу за их с Хотару деревней и укрывал собой высокий холм, на вершине которого когда-то стоял древний храм, а ныне находились двери в обитель госпожи Рэй: невидимый провал в пространстве, неведомым образом соединявший два мира — людей и нелюдей. Мико шла по коридору из красных тории, ветхих и давно забытых прошлыми хозяевами, и вздрагивала от каждого шороха. Ходили слухи, что не всякого гостя госпожа пускает к себе на порог. Кто-то находил на вершине холма рёкан, а кто-то — останки сгнившего храма. Мико на вершине встретили свет десятков бумажных фонариков и аромат цветущей сливы.

Она медленно выдохнула и открыла глаза, отгоняя от себя воспоминания. Всё, что случилось после того, как она переступила порог рёкана, вспоминать не хотелось. По крайней мере, сейчас.

Мико с трудом заставила себя вылезти из горячей воды, которая её практически убаюкала. В купальне, рядом с полотенцами, уже ждала аккуратно сложенная одежда: чёрные хакама и короткое светлое кимоно с вышитыми на широких рукавах хризантемами.

34

Откуда ни возьмись, в комнате снова возникли домовые духи, и снова Мико не успела и глазом моргнуть, как они вытерли её, высушили волосы и завернули в одежду.

— Господин Акира надеется увидеть вас за завтраком, — сказала одна из малюток, и Мико заметила, что

радужки её глаз такие же рубиново-красные, как и волосы, а зубки — острые и мелкие, как у выдры.

Акасыгума провожала Мико в столовую мимо всё тех же расписных стен. Мико остановилась у одной из них — на картине, в окружении людей и ёкаев, стояла девушка, вскинувшая над головой меч, похожий на катану. Чёрные волосы распущены, на плечах и бёдрах — доспехи, над головой — сияющее солнце. На лице застыло решительное выражение, кажется, она что-то кричала, а люди и ёкаи взирали на неё с восхищением. Эта картина так отличалась от миролюбивых пейзажей замка, что тут же привлекала внимание.

— Нравится? Эту стену расписала моя бабушка, — Акира появился из-за спины Мико и встал рядом. — Как и многие в этом замке.

— Очень красиво. — Мико не могла отвести глаз от прекрасной девушки. — Кто это?

— Принцесса Эйко. Люди ещё помнят о ней?

Мико удивлённо вскинула брови. Она слышала о принцессе Эйко — героине, превратившейся в чудовище. Она сражалась с ёкаями и демонами, но тщеславие и жажда власти заставили её пойти против собственного отца — императора Хиношимы. Мама часто пела древние песни про принцессу, когда укладывала маленьких Мико с Хотару спать.

— Принцесса Эйко — младшая из семи дочерей императора Иэясу, поцелованная самой Сияющей Богиней, — сказал Акира, не дождавшись ответа Мико. — Тысячу лет назад она принесла себя в жертву, чтобы... спасти человечество от страшных ёкаев. Она и двенадцать монахов, служителей Сияющей Богини.

— В жертву? — Мико недоверчиво сощурилась. — Да, она и её войско низвергли демонов в Бездну. И прин-

цесса, воспользовавшись любовью народа, попыталась свергнуть отца, но не сумела, прокляла императора Иэясу и с позором умерла в тюрьме, разве нет? А спас нас император Иэясу, разделив два мира — людей и ёкаев.

Акира снисходительно улыбнулся, заложил руки за спину и посмотрел на картину.

— Удивительно, как короткие жизни людей и всего лишь тысяча лет могут изменить историю.

— Хочешь сказать, что всё было не так? — У Мико вспыхнули щёки от стыда, будто она только что провалила какой-то важный урок. На мгновение Акира напомнил её отца, который так же снисходительно улыбался, когда Мико совершала ошибки.

— Не совсем, — кивнул Акира, взмахнул рукой, и картина вдруг изменилась. С неё исчезли люди — их место заняли полчища краснокожих рогатых демонов, а над ними, на краю обрыва, стояла принцесса с войском за спиной. — Эйко была выдающейся заклинательницей, могла управлять всеми четырьмя стихиями — нынешним заклинателям Хиношимы не совладать и с одной. Она действительно загнала демонов в Бездну и запечатала врата. И люди действительно стали почитать её едва ли не больше, чем императора, наравне с Сияющей Богиней. А земли Истока от мира людей действительно отделил Иэясу, только вот сделал он это обманом. Использовал силу и душу принцессы для заклинания, а потом убил её, чтобы никто больше не мог использовать её силу и вернуть ёкаев в мир людей. Он боялся, что сама принцесса захочет снова объединить миры.

— Зачем ей это делать? От большинства ёкаев людям одни беды, — с сомнением проговорила Мико. Её — как и всех детей Хиношимы — с детства этому учили, а работа в рёкане только подтвердила: от ёкаев хорошего

не жди. Хорошо отзывались разве что о цуру и тануки¹, которые по природе своей были миролюбивы и во всех сказках и легендах помогали людям.

— Эйко обманули. Не сказали, для чего нужно заклинание. И возлюбленный принцессы — ёкай — остался заперт в землях Истока.

— Она любила ёкай? — Мико в ужасе открыла рот. — Настоящего ёкай?

Акира тихо рассмеялся и озорно взглянул на Мико.

— А что, нас нельзя полюбить? — спросил он. Щёки снова обожгло румянцем, и Мико поспешила отвести взгляд, чувствуя, как невольно ускоряется сердце.

— Н-нет, я вовсе не хотела... — пробормотала она вмиг охрипшим от смущения голосом. Да что же это такое? Она бросила быстрый взгляд на Акиру. Он ёкай, а она — человек. Да и к тому же цуру ценят красоту — Мико отвернулась, пряча шрам за волосами, — как ни крути, Акира ей не пара, а значит, и смущаться нечего.

— Она любила прекрасного оками — волка-оборотня с огненными хвостами, — тем временем Акира продолжил рассказ. Картина снова изменилась: теперь Эйко стояла на вершине горы за руку с прекрасным юношей. — Вместе они мечтали о том, что однажды люди и ёкай найдут общий язык и будут жить в мире. И возможно, их союз — союз двух знатных и сильных родов — положит тому начало. Но император Иэясу был против этого брака. Он видел в нём угрозу стране и своей власти. Говорят, что, когда родилась принцесса Эйко, сама Сияющая Богиня спустилась с небес, подарила младенцу поцелуй, в котором крылась искра боже-

¹ Т а н у к и — оборотень, способный принимать облики человека и енотовидной собаки.

ственной силы, и сказала, что девочке суждено изменить мир: сделать так, что люди и ёкаи наконец заживут рука об руку в согласии.

Другой отец возгордился бы дочерью или испугался бы за её жизнь, но Иэясу страшился только одного — потерять власть. Всю свою жизнь, с момента рождения Эйко, он боялся, что дочь, овладевшая магией, благословлённая богиней, заключит союз с могущественными существами Истока и свергнет Иэясу и его старшего сына, наследника престола. Император, как и многие правители, желал упрочить свою власть, и ненависть людей к ёкаям объединяла подданных вокруг него. А что могло оставить об императоре бóльшую славу, чем победа над ёкаями?

По приказу императора двенадцать монахов три года составляли нужное заклинание, трудясь над ним день и ночь. А когда заклятие было готово, Иэясу дал Эйко разрешение на брак с возлюбленным оками, но сам отказался появляться на свадьбе. Он знал, что добровольно Эйко не согласится участвовать в заклинании, поэтому пошёл на хитрость. Все ёкаи собрались в тот день на острове, что после прозвали землями Истока, чтобы поздравить молодую пару и полюбоваться на церемонию. Пока жених и невеста танцевали брачный танец, чтобы вручить друг другу искру своей души, двенадцать монахов читали заклинание, окружив остров.

38 Сами того не зная, Эйко и оками во время танца отдавали свою силу монахам, а те создавали границу между мирами. Когда душа Эйко соприкоснулась с душой её возлюбленного, заклинание было завершено. Небо окутала непроглядная тьма, а луна окрасилась в кроваво-красный цвет. Остров исчез из океана, из пространства и времени. Получился такой новый мир-кар-

ман среди бесконечности, тонущей в тумане. Частица души Эйко позволяла людям покинуть остров, а частица души ёкая запечатала ему подобных на острове навсегда.

Наивная, любящая Эйко решила, что произошла ошибка, она и подумать не могла, что случившееся — вина её отца. Она покинула мужа и пришла к отцу с просьбой о помощи, но во дворце её уже ждала стража. По приказу императора принцессу бросили в темницу. Поначалу Иэясу не хотел убивать родную дочь, но с каждым днём его подозрительность и страх всё росли, пробуждая демонов в его сердце. Говорят, старший сын подпитывал эти страхи и сводил отца с ума, желая поскорее занять трон. Он шептал ему об угрозе в виде живой Эйко и о мести, что обрушится на них, когда печати сломают и ёкаи вырвутся на свободу. Так или иначе, спустя два года заточения Эйко Иэясу лично спустился в темницу и заколол дочь.

Мико содрогнулась от ужасных картин, что сменяли друг друга на стене, но слушала молча, затаив дыхание и боясь помешать рассказу.

— После этого сын объявил отца убийцей и сумасшедшим, организовал переворот и занял трон. А Иэясу выпил яд, отправившись вслед за дочерью.

Картина снова изменилась, став прежней: принцесса Эйко с мечом в руках, солнцем над головой и восхищённым народом у её ног. В народе о принцессе говорили иначе, как об изменнице и заговорщице, решившей с помощью ёкаев поднять бунт против отца. Император Иэясу — герой, избавивший человечество от вечного страха перед ёкаями, — раскрыл заговор преступницы, но ум его повредился от её заклинаний. Иэясу покончил с собой, и трон занял его сын. Впрочем, и эти истории были

лишь древними легендами, полными разночтений и полнящимися выдумками тех, кто брался их пересказывать. Возможно, поэтому Мико никогда не воспринимала их всерьёз и не хранила в памяти, довольствуясь смутными, туманными образами, которые перекрывали друг друга, образуя расплывчатую картинку в голове не самой прилежной ученицы.

В отличие от Мико, которую если и увлекали истории, то только про сражения с ёкаями и доблестных воинов, Хотару обожала слушать про любовь и вечно просила маму рассказать побольше о возлюбленном Эйко и об их встречах под луной. Она даже во время поездки с отцом в город откопала где-то книжку — роман про принцессу Эйко. Правда, по версии писателя, возлюбленным Эйко был вовсе не ёкай, а доблестный воин, который этого самого похотливого ёкая храбро убил на радость принцессе и их любви.

Мико посмотрела на Акиру. А могла бы она его полюбить? Он был красивым и добрым, не похожим на жутких гостей рёкана госпожи Рэй или жуткого ёкая, который пытался сожрать Мико, — пожалуй, полюбить цуру было бы легко.

— А ёкаи, — Мико снова обратилась к картине, чтобы выкинуть из головы ненужные мысли об Акире, — почитают Эйко?

40 — Когда-то ёкаи тоже хотели жить в мире с людьми на одной земле. Мой дедушка, мои родители верили, что это возможно, — ответил Акира, и лицо его стало печальным. — Но эти времена прошли.

Мико открыла было рот, чтобы спросить, что он имеет в виду, но Акира рассмеялся и хлопнул в ладоши:

— Ну, довольно болтовни! Я тебя так голодом уморю. Пойдём скорее есть!

Они пришли в просторную комнату с белыми сѣдзи и выходом в сад. Акира сел на татами за маленький столик, на котором стояла единственная пиала с рисом. Рядом оказался еще один столик, полный еды.

— Надеюсь, ты голодна. Я не знал, что тебе нравится, поэтому попросил приготовить побольше всего, — улыбнулся Акира и кивнул на соседний столик.

— Не стоило так беспокоиться! — Мико в ответ улыбнулась одними губами, поклонилась и послушно села. Стол был уставлен десятком тарелочек: рис, суп, яйца, зажаренная целиком рыбина, разноцветные овощи и грибы, нарезанные и уложенные так аккуратно, что сначала Мико спутала их с цветами. Рот наполнился слюной, а в животе заурчало — последний раз столько еды на столе Мико видела два года назад, ещё до смерти родителей. После же они с Хорату питались только рисом, а в рёкане Мико и остальные служанки довольствовались скудными обедами.

Акира подцепил палочками комочек риса и забросил в рот, с интересом наблюдая краем глаза за Мико, словно за диковинным зверьком, которого боялся спугнуть.

Акасягума вбежала в столовую с глиняным чайником и наполнила чашки исходящим паром чаем, который пах ячменём.

Мико дрожащей от голода рукой взяла палочки и потянулась к румяному рыбному боку. Она даже не заметила, как сочный кусочек растаял на языке, и тут же схватилась за следующий, попутно забросила в рот побольше риса и овощей, запила обжигающим супом с водорослями и повторила всё по кругу. Голод так крепко схватил её за рёбра, что Мико напрочь позабыла о манерах, набив щёки так, что они заболели от натуги. От удовольствия

у неё даже выступили слёзы, и Мико поторопилась их вытереть рукавом.

— Боишься пересолить рис? — шутливо поинтересовался Акира. Он, кажется, забыл о еде и, не скрываясь, наблюдал за Мико. — Велеть принести добавки?

Мико забросила в рот два последних зёрнышка и усердно закивала, демонстрируя Акире пустую пиалу. Акира звонко рассмеялся, а в комнату тут же влетели две малютки-акасягума, с трудом волоча целую бадью горячего риса.

— Ешь сколько хочешь, — одобрительно сказал Акира. — Если собираешься искать сестру в землях Истока, понадобится много сил. Ты говорила, что умеешь ковать мечи. А обращаться с ними обучена?

Мико пожала плечами.

— Кое-фто умеу, — ответила она с набитым ртом, расплёвывая рисинки.

— Прекрасно. Я ненавижу оружие, поэтому в моём доме мечей не водится, но знаю, где можно раздобыть хороший клинок. Оружие за воротами моего замка тебе пригодится.

Мико перестала жевать, а еда вдруг потеряла свой чудесный вкус. Она снова вспомнила, где находится. Земли Истока — обитель ёкаев, и большинство из них не так дружелюбны, как Акира. Перед глазами всплыли воспоминания о вчерашней ночи, о голодном ёкае, который прижимал Мико к земле, собираясь сожрать. Мико вспоминала его острые клыки и влажный длинный язык. Хищник, который скрывался за маской привлекательного мужчины, ложь и коварство, которыми пропитаны земли Истока. Сколько ещё раз Мико придётся столкнуться с ними?

— Куда мы направимся? — спросила она, с трудом проглатывая вставшую поперёк горла еду.

— Я провожу тебя к логову цутигумо¹, — беззаботно ответил Акира, а по спине Мико пробежали холодные мурашки.

Цутигумо. Восемь лап, смертоносные челюсти, брюхо, полное яда, и много, очень много паутины.

4. ЦУТИГУМО

У ворот замка их уже ждали две странного вида лошади. Тела у них были тонкие и поджарые, напоминавшие оленя: раздвоенные копыта и шкура того же песочного цвета. Гривы и хвосты — вполне себе лошадиные, только совершенно седые. Но морды... Посреди морды моргал единственный круглый глаз. Изюба, изгибаясь назад, рос серый тупой рог. А вот клыки, что торчали из лошадиного рта, выглядели вполне себе острыми.

Мико с сомнением покосилась на эту нелепицу. В седле она сидела всего пару раз в жизни, и не сказать, что это занятие ей особо понравилось. А уж лезть на это зубастое чудо... Впрочем, странная лошадь казалась меньшей из проблем.

— Может, тут где-то есть рынок или лавка, где я могла бы купить оружие? — спросила она, наблюдая за тем, как Акира ласково гладит лошадь по морде. — И вообще, мне точно нужно оружие?

— Тебе нужно не просто оружие, а оружие, способное поразить ёкая. Такие вещи на каждом углу не про-

¹ Ц у т и г у м о — паукоподобный ёкай.

даются даже здесь. Поверь, если бы был вариант проще, я бы ни за что не повёл тебя к цутигумо.

Мико в нерешительности покусала губы, переводя взгляд с Акиры на одноглазую лошадь и обратно, а затем всё же взобралась в седло.

— И что? Мы просто придём к цутигумо и попросим у неё меч? — Мико с опаской тронула поводья, и лошадь послушно побрела вслед за Акирой, который уже ехал чуть впереди.

— Я не могу ступить в её владения, — невинно улыбнулся Акира. — Цутигумо сидит в этой пещере так давно, что даже мне трудно представить этот срок. Она украла новорождённую Сияющую Богиню с горы Хого, надеясь заполучить её силу. Но старшие братья Богини нашли цутигумо и в наказание навеки заперли в собственном логове. Говорят, что цутигумо любил молодой цуру, который ходил к ней и пел песни, чтобы её заточение не было таким невыносимым... Когда боги узнали об этом, то наложили новые заклатья, и с тех пор ни один цуру не может переступить порог пещеры. Самое страшное наказание для бессмертных — одиночество.

Мико вздохнула, проникаясь грустной историей, но тут Акира добавил:

— Так что тебе придётся пробраться в пещеру и украсть меч в одиночку. И постараться не быть съеденной.

44 — Чего?! — Мико натянула поводья так резко, что лошадь недовольно заржала и замотала головой. — погоди, мы так не договаривались! Никуда я не пойду. Нет уж!

Акира оглянулся, не переставая улыбаться.

— Что ж, в таком случае можешь оставаться в моём замке. В его стенах ты в полной безопасности, но если

захочешь их покинуть... Скажу лишь, что существа, которые посещают рёкан госпожи Рэй, — самые милые и безобидные из нас.

Мико слотнула. Эти слова немного притушили её негодование, но она не сдавалась.

— Так что, ты решил сразу скормить меня огромному пауку?

— Если будешь соблюдать простые правила, то вернёшься живой и невредимой. Я бы не подверг тебя опасности, не зная способа с ней совладать.

— Что за правила? — Мико сощурилась. Лошадь нетерпеливо переминалась с ноги на ногу и пыталась продолжить путь, но Мико останавливала её, каждый раз грубо натягивая поводья.

— Не тревожь её паутины, не говори с ней, ничего не ешь и не пей. Сделаешь так и уйдёшь невредимой.

— А если нарушу что-то? — Задача звучала не так уж и сложно.

— Полагаю, цутигумо тобой закусит. До тех же пор, пока ты придержишься правил, она не сможет причинить тебе вреда, — ответил Акира, направляя лошадь вниз по дороге.

Мико наконец позволила и своему коню двинуться вперёд.

— Но почему? Что ей помешает сожрать меня, едва я проберусь в её логово?

— Это лучше спросить у богов, которые заперли эту цутигумо в пещере. Боюсь, если ты повстречаешь где-то других её сестёр, они полакомятся тобой без всяких правил. К счастью, эти создания настолько редки, что даже мы, живущие вечно ёкаи, их практически не встречаем.

«Живущие вечно ёкаи». Мико посмотрела на Акиру. При всём желании она не дала бы ему больше тридцати

ти, а выглядел он и того моложе. Двадцать пять лет — она бы остановилась на таком варианте, доведись ей встретить Акиру в человеческом мире. Гладкая кожа, лишенная морщин и изъязнов. Только когда он улыбался, вокруг глаз собирались сеточки морщинок, но и они бесследно исчезали вместе с улыбкой.

— Сколько тебе лет? — спросила Мико.

— Это важно? — Акира взглянул на неё лукаво, склонив голову набок. Белые пряди поймали солнечные лучи и засветились, сделав его лицо ещё моложе.

Мико смутилась и отвела взгляд. Щёки предательски запылали.

— Нет, просто я...

— Я точно не помню, но кажется, уже больше трёхсот, — задумчиво протянул Акира и звонко рассмеялся: — В какой-то момент я бросил считать.

«Триста лет». Мико слотнула. Столько себе и представить сложно, не то что прожить.

— Как только ты не помер со скуки? — пробурчала она.

Акира рассмеялся громче прежнего. Он запрокинул голову, и Мико впервые обратила внимание, какая у него тонкая, изящная шея.

«Точно журавлиная, — подумала она, испытывая странное желание увидеть, как же Акира выглядит в своём птичьем обличье. — Интересно, когда он перевоплощается, то сбрасывает одежду? И если да, то появляется ли она на нём заново или приходится ходить голышом?»

Лошади ленивой рысцой пылили дорогу. Высокая трава под набегами ветра превращала холм в беспокойное зелёное море. Над головой с радостными криками проносились птицы. Небо — бесконечно спокойное, яр-

ко-синее в белых пятнах облаков. А внизу — стена леса, который скорее манил тенью и прохладой, чем пугал тёмной неизвестностью. Если бы Мико ничего не знала о землях Истока, то решила бы, что это мирное и прекрасное место, где ей совершенно нечего опасаться. Но она принимала гостей в рёкане госпожи Рэй и видела хозяев этих мест. Мико и Акире-то не особо доверяла и следовала за ним за неимением лучшего проводника в неизвестных землях. Скрепя сердце Мико признавала, что едва ли сумела бы уйти далеко в одиночку без оружия и навыков выживания. Она даже в седле держалась с трудом, что уж говорить о ночёвках в лесах и сражениях с ёкаями. Столкнись Мико хоть с одним из гостей рёкана за его стенами — у неё не было бы шансов. Так что повстречать цуру было большой удачей. А ещё цуру не едят мяса — это Мико тоже немного успокаивало.

Пейзажи земель Истока мало чем отличались от пейзажей родной Хиношимы. Не было ни сказочных золотых полей и рек, ни огненных цветов и птиц, ни ледяных деревьев и плодов. По крайней мере, в тех местах, которые проезжали Мико с Акирой. Разве что всё было более... ярким. Цвета, запахи, звуки. Едва уловимая, но всё же заметная разница, которая заставляла Мико дышать полной грудью сладким, насыщенным ароматами трав воздухом и бороться с нарастающим чувством радости, близким к эйфории, что дрожащим теплом собиралось внизу живота.

Влажный лес зарос мхом, позеленевшие стволы деревьев извивались в разные стороны, будто застывшие змеи. Дорога, очерченная камнями, добралась до нижней точки и вновь поползла вверх — на очередной холм.

Акира уверенно двигался между деревьями, сменяя развилку за развилкой, пока дорога не стала настолько

крутой, что валуны, окаймлявшие её, теперь превратились в настоящую лестницу. Когда они добрались до относительно ровной площадки, окружённой камнями, Акира спешился и жестом пригласил Мико сделать так же.

— Дальше придётся идти самой, — сказал он, обращившись к ней. На лице его светилось неподдельное беспокойство, которое он пытался скрыть за мягкой улыбкой. — Поднимайся, пока не увидишь пещеру — это логово цутигумо. — Акира потянулся, чтобы взять Мико за плечи, но остановился, спрятав ладони в рукава и заглянул ей в глаза. — Помнишь правила?

Мико кивнула, заворожённая его взглядом, полным искреннего участия. Она ещё не успела осознать будущей опасности, но тело её уже чувствовало. Мико дрожала.

— «Не тревожь её паутины, не говори с ней, ничего не ешь и не пей», — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Умница. — Акира ободряюще улыбнулся и всё же, не сдержавшись, легонько коснулся её предплечья: — Удачи.

Мико вздрогнула, но руку не убрала. Пальцы Акиры, тёплые и мягкие, придали ей уверенности, и дрожь, будто по волшебству, утихла. Возможно, это и было волшебство.

48 Каменная лестница, скользкая от влаги, становилась всё круче, а ступени — всё выше, и вскоре Мико запыхалась. Приходилось останавливаться и, хватая ртом воздух, успокаивать дыхание. Но она не позволяла себе отдышаться, потому что чем дольше стояла, тем больше сомнений вривалось в её мысли. Когда она шла, всё внимание захватывали шаги, ритм дыхания и громкий стук сердца, не давая повернуть назад.

Мико никогда не встречалась с цутигумо, даже не видела её изображений, лишь слышала страшилки и стишки, что рассказывали деревенские у костра.

*Цутигумо плетёт паутину.
Цутигумо опять голодна.
Она прячет тебя в тугой кокон,
Ядом сдобрит и съест до утра.*

Кто-то говорил, что цутигумо — огромный паук размером больше любого человека. Другие рассказывали, что у цутигумо паучье брюхо и женское лицо. Третьи к картинке добавляли ещё и обнажённые груди. Кто из них был прав, Мико не знала. Впрочем, совсем скоро она перестанет мучиться догадками.

Чёрная пещера уходила вниз — в глубь холма. Из провала веяло прохладой и сыростью. Мико переступила с ноги на ногу, собираясь с мыслями и остатками храбрости. И, не позволяя себе растерять их последние капли, шагнула внутрь.

В пещере оказалось вовсе не темно. Как только глаза немного привыкли, Мико разглядела, что стены светятся зеленью, будто в них были замурованы тысячи маленьких светлячков. Этот свет, пусть и слабый, всё же позволял оглядеться. Хотя рассматривать здесь было нечего — голый камень.

Мико уходила вглубь, всё ниже и ниже, и старалась не обращать внимания на оглушительно колотящееся сердце. Она не сомневалась, что билось оно так громко, что цутигумо уже наверняка её услышала. Пальцы на руках онемели и стали холоднее льда.

Когда выход из пещеры остался далеко позади, проход начал расширяться, на стенах и потолке появились обрывки паутины. Они колыхались от сквозняка и на се-

ребристых нитях тускло блестели, отражая зелёный свет, капли влаги.

Не тревожить паутины.

Мико стала ступать осторожнее, стараясь обходить серебряную вязь на приличном расстоянии — насколько позволяло пространство. Скоро проход превратился в большой зал, своды которого поддерживали щербатые каменные колонны. Здесь тоже всё было в паутине. Она оказалась прочнее и толще, оплетала колонны и стягивалась к большому каменному трону в самом центре.

Трон был пуст.

Мико огляделась. Из зала вели ещё три тоннеля. Куда ей направиться?

«Ладно. Начнём по порядку», — решила она и направилась в правый коридор. Но, подойдя ближе, замерла. Голоса. Нет, ей не могло показаться: из коридора слышались тихие голоса. Мико зажала рот ладонью, страх горячей волной взобрался по спине и обжёг грудь.

— Не тебе выставлять условия, — сказал низкий, но явно женский голос.

— Мы оба кое-что потеряли, — ответил мужской. — Так что...

— Ты потерял гораздо больше. И хочешь гораздо больше. Так что ты должен умолять, а не ставить условия.

50 Цутигумо? Цутигумо занята гостем. Вот так удача! Мико попятилась. Нужно проверить другие проходы, пока они разговаривают. Мико сомневалась, что правила посещения пещеры распространялись и на гостя цутигумо, и если он заметит Мико, то ей несдобровать — сожрут на пару с паучихой и не подавятся.

Средний проход привёл Мико точно куда нужно — ещё один зал, снизу доверху заваленный золотом, дра-

гоценными камнями, доспехами и оружием. Здесь было всё: от монет до фарфоровых ваз, от самурайских доспехов до золотых одежд. Ножи, мечи, копыя, луки. И много-много паутины. Мико обвела взглядом завалы. И какой из этих мечей способен поразить ёкая? Каждый? Можно выбрать любой?

«Схвачу крайний, и на выход», — решила она и потянулась к ближайшим ножам, украшенным драгоценными камнями.

— Кто здесь?

Рука задрожала. Знакомый голос поразил Мико молнией, заставив мгновенно обернуться. На входе в зал стояла Хотару. Бледная и напуганная, она смотрела на Мико во все глаза и прикрывала рот дрожащей ладонью.

— Что ты тут делаешь! — зашептала она, с опаской оглядываясь. — Если она тебя увидит, тут же убьёт! Ты должна немедленно уйти!

Слова сорвались с губ прежде, чем Мико успела вдохнуть.

— Хотару?

— Уходи, прошу тебя! — Хотару бросилась к Мико. — Ты не должна была меня видеть!

Мико схватила сестру за руку. Это была она! Тёплая, живая, настоящая! Глаза Мико наполнились слезами.

— Я тебя искала! Так долго! Прости меня, прошу, прости! Пойдём со мной!

Хотару заключила её в объятия и... поцеловала в губы. Мико дёрнулась и отстранилась.

— Ты что делаешь?! — На язык скользяла горечь, и он тут же онемел. Онемели и губы. — Ты...

Хотару снова обняла её. Мико пошатнулась. Зал вдруг потускнел и закачался.

— Всё хорошо. Всё хорошо. Я рядом с тобой, — шептала Хотару, поглаживая Мико по голове. — Не бойся. Ты в безопасности.

Мышцы свело судорогой. Мико хотела закричать, но голос не слушался — из горла не вырвалось даже сдавленного хрипа. Она прижималась к тёплому телу сестры и едва могла дышать. Руки повисли безвольными плетями, ноги уже не держали ослабевшее тело, но Хотару не давала ей упасть, покачивая в руках.

— Всё хорошо. Засыпай. Засыпай. Засыпай...

«Когда свинья не боится смерти, мясо её вкуснее. Страх портит кровь», — отчего-то вспомнились слова отца, и Мико провалилась в темноту.

5. БАБОЧКА В ПАУТИНЕ

— Чтобы выковать действительно хороший меч, мало уметь бить молотом под правильным углом. Катану нужно чувствовать, понимать. — Отец вытер рукавом вспотевший лоб, опуская боккен¹. — Для этого надо уметь ею владеть.

52

Мико, стараясь отдышаться, ослабила хват, и кончик боккена копнул землю. Отец подошёл, молча поправил ей стойку, вернув меч на исходную позицию, остриём

¹ Б о к к е н — деревянный меч для тренировок, повторяющий форму катаны.

вверх, и бросил на дочь осуждающий взгляд — касаться лезвием земли нельзя. Но боккен из дуба был слишком тяжёлым для её рук, а пользоваться более лёгким — из бука — Мико запрещалось.

— Тяжёлый, — зачем-то попыталась оправдаться она, хотя знала, что отца этот ответ не устроит.

— Это потому что ты работаешь руками. Руки должны быть расслаблены. Весь вес меча на спине. — Он ударил Мико между лопаток. Не больно, но обидно.

Мико всё это знала, тысячу раз слышала, но нужные движения давались с трудом. Её тело менялось, отвечая зову природы, — Мико уже исполнилось пятнадцать. Бёдра стали шире, ноги — крепче, груди — тяжелее, и ката¹, которые раньше получались так легко, теперь будто бы приходилось учить заново.

— Сделай тысячу кесагири², — велел отец.

— Сколько?!

— После пятисотого у тебя настолько устанут руки, что начнёшь делать удары правильно. — Отец отошёл к дому и сел на деревянный пол энгавы³. Отложил боккен, скрестил руки на груди и уставился на Мико. Он не уйдёт, пока не насчитает тысячу ударов.

Мико глядела на него в ответ, не решаясь приступить к заданию. От одной мысли о том, что ждёт её в ближайший час, тело пробивало дрожью. Она уже представляла, как будут выть от боли руки, как заломит спину и как завтра она будет реветь, пытаясь взять хоть что-то

¹ К а т а — упражнения для изучения стоек, боевых приёмов и передвижений.

² К е с а г и р и — удар мечом наискось, по линии запаха кимоно (кэйкоги).

³ Э н г а в а — открытая веранда традиционного дома в Японии и на островах Хиношимы.

тяжелее сестриного веера. Эти мысли и боль, что ещё не наступила, сковывали тело.

— Начинай, — скомандовал отец, теряя терпение. — И помни, что сдаться значит умереть. И смерть наступает задолго до того, как меч противника пронзит тебя. Ты умрёшь ровно в тот миг, когда примешь решение сдаться. И этого уже будет не изменить. Хочешь сдаться сейчас?

Мико стиснула рукоять боккена и встала в стойку.

— Нет.

Мико с хрипом втянула ртом воздух, приходя в себя. Голова болела так сильно, словно её набили раскалёнными углями, и Мико не сразу поняла, где находится. А находилась она в тесной темноте, что спеленала её по рукам и ногам, лишив возможности двигаться. Темнота облепила лицо, и воздуха едва хватало, чтобы дышать.

Кокон.

Мико закричала от ужаса, но недостаток воздуха и прилипшая к губам паутина позволили ей лишь захрипеть.

Она в коконе.

Она в паучьем коконе!

54 Мико затрясло, она отчаянно задёргалась, но едва ли смогла пошевелиться. Снова закричала, и в этот раз звук получился больше похожим на сдавленный писк.

Надо выбраться. Пока цутигумо не вернулась и не сожрала её со всеми потрохами. Перед внутренним взором предстал облик Хотару. Это и была паучиха? Как она сумела принять облик сестры? Или... нет, конечно нет,

это не могла быть Хотару. Люди не превращаются в цутигумо. По крайней мере, Мико хотелось в это верить.

Мысли о сестре немного успокоили Мико и придали сил. Она снова попыталась пошевелиться. На этот раз сдержаннее, прислушиваясь к своим ощущениям и возможностям. Вывод оказался неутешительным: шевелиться Мико практически не могла. Кокон оказался настолько тугим, что даже не давал грудной клетке полностью раскрыться, да и дышать становилось всё сложнее. Если так пойдёт и дальше, Мико задохнётся.

— Ну и где ты? — послышался мужской голос откуда-то издали. — Я слышал, как ты тут пищала.

Мико затаилась. Это ёкай, с которым разговаривала цутигумо? Это к ней он обращается?

— Тут сотни коконов, так что если хочешь, чтобы я тебя нашёл, подай голос ещё разок.

Мико не была уверена, что хочет. Велика вероятность, что это окажется последним решением в её жизни. Впрочем, решение не кричать тоже может стать последним. А если она выберется из кокона, то хотя бы сможет ещё побороться.

Мико с трудом наполнила лёгкие воздухом и издала подобие крика, которое прозвучало едва ли громче шёпота. Но для чуткого слуха ёкая этого оказалось достаточно.

— В другой ситуации я бы смог тебя учуять, но тут всё провоняло её ядом, сама понимаешь. — Голос приближался.

Мико не понимала, но спорить не стала. Она приготовилась сражаться. Послышался треск — это острое лезвие скользило по паутине, вспарывая её.

— Не дёргайся, — предупредил голос, когда лезвие подобралось к голове.

В образовавшуюся щель нырнули пальцы и потянули полотно паутины в стороны, выпуская Мико на волю. Она хотела выскочить наружу и броситься бежать, но ноги не держали, и Мико рухнула на пол, больно ударившись коленями и локтями. Яд всё ещё бродил в крови.

Мико вскинула голову. Над ней стоял Райдэн — тот самый ёкай, который напал на неё в рёкане. Чёрные глаза влажно блестели, губы расплылись в довольной ухмылке. В руке Райдэн держал нож, на поясе висела катана в ножнах, и ещё одна, подвязанная на длинных шнурах, болталась на плече.

— Ну, здравствуй, беглянка. — Ёкай продемонстрировал белые зубы с двумя выдающимися клыками.

Бежать! Бежать, пока он её не сожрал! Мико поднялась на ноги и, шатаясь, бросилась к выходу. Недостаточно быстро — её так мотало из стороны в сторону, что уже через три шага пришлось схватиться за стену, чтобы не упасть. Нет, это была не стена, а ещё один кокон.

Мико отдёргнула руку и обвела взглядом зал. Сотни, если не тысячи коконов облепляли стены, в несколько ярусов висели под потолком. Серебристые, блестящие коконы, полные еды. Мико затошнило не то от яда, не то от ужасной картины. Она зажала рот ладонью и закрыла глаза. Ноги снова задрожали, и Мико осела на пол.

56 — Если тебя это успокоит, то все эти ребята заявлялись сюда, чтобы героически снести цутигумо голову, — сказал Райдэн. — И все они попались в ту же ловушку, что и ты. Кого ты увидела вместо паучихи?

Мико не ответила, только метнула в Райдэна злой взгляд. Злой, потому что не хотела показывать ему свой страх. Она понимала, что не сможет убежать

от него, не в таком состоянии. Что ж, если придётся, она будет кусаться и царапаться до последнего, но легко ёкаю не дастся. Но Райдэн, кажется, не собирался на неё нападать. Он стряхнул с плеча меч и бросил его Мико.

— Лови, ты же за этим сюда пришла. И нам надо побыстрее убираться, пока цутигумо не заметила пропажу. И тебя, и меча.

Мико с сомнением покосилась на катану и перевела взгляд на Райдэна. Тот подошёл ближе и уселся рядом на корточки, так что их лица оказались на одном уровне.

— Ах да. Если хочешь жить, придётся мне довериться, — он пожал плечами так, словно говорил о пустяках. — И выполнить парочку условий.

Условия. Ну, разумеется. Мико стиснула зубы.

— У Акиры есть кое-что, что...

— Даже не проси меня вредить Акире!

Лицо Райдэна вытянулось, ухмылка исчезла, а взгляд ожесточился.

— Надо же, как ты заговорила. Или ты защищаешь каждого встречного мужчину, который был с тобой хоть немного ласков? — Его взгляд скользнул по лицу Мико и остановился на безобразном шраме. Крашек губ дрогнул.

Пощёчина вышла неожиданно звонкой, и Райдэн, явно не ожидав такой реакции, повалился на пол.

— С ума сошла? — зашипел он, хватаясь за мгновенно покрасневшую щёку.

Мико потёрла ушибленную ладонь. Внутри у неё всё горело от гнева, теперь уже настоящего, острого и горького. Она огрела Райдэна прежде, чем сумела осознать возможные последствия, хотела защититься, показать, что сюда, по больному, её бить нельзя — можно полу-

чить сдачи. Но сейчас, глядя в чёрные глаза Райдэна, она отчего-то не смогла выплюнуть ему эту правду, поэтому сказала:

— Проси всё, что хочешь, но не смей вредить Акире. Он был добр ко мне, и я не собираюсь...

Райдэн вскочил на ноги. А Мико отшатнулась, закрываясь рукой от возможного удара.

— Да если бы ты... — он осёкся, стиснул зубы, но тут же как-то обмяк и расслабился, закрыл лицо рукой, а когда убрал, к губам уже вновь прилипла привычная ухмылка. — Я спас тебя сегодня, так что ты теперь у меня в долгу. Теперь что бы я ни попросил, ты сделаешь так, как я скажу. А ещё ты никому — слышишь? — никому не сможешь рассказать о нашей с тобой встрече и нашем договоре. И это не обсуждается.

С этими словами Райдэн схватил Мико за запястье, укусил себя за большой палец и кровью нарисовал на её ладони витиеватый кандзи¹, каких Мико прежде не видела. Едва он закончил, знак вспыхнул золотом.

— Глотай, — велел Райдэн и поднёс ладонь со знаком ко рту Мико, но та плотно сжала губы, глядя на ёкая исподлобья. — Глотай, если хочешь выбраться отсюда живой.

58 Он снова подтолкнул, и Мико, с опаской покосившись на нож в руке Райдэна, прильнула губами к ладони. Она — и другие дети — часто так делали в детстве, рисовали на ладони кандзи «храбрость» или «ум» и «съедали», чтобы обрести их силу. Только теперь это была реальная магия. Язык обожгло, а в воздухе за-

¹ К а н д з и — иероглифы, которые в Японию пришли из Китая, а на Хиношиму — из Империи Хэ.

пахло дождём. Мико «проглотила» кандзи и покосилась на руку — знак исчез, будто его и не было.

— И когда ты исполнишь условия сделки, — выдохнул Райдэн, как показалось Мико, с облегчением, — долг будет уплачен.

Она вырвала руку и снова уставилась на ладонь — та всё ещё немного пульсировала после щедрой пощёчины, но не более.

— А теперь — на выход, — бросил Райдэн и подхватил Мико на руки. Так легко и быстро, будто она ничего не весила.

— Пусти меня! — Мико взбрыкнула, но ёкай уже поставил её на ноги.

— Спокойно, пойдёшь на своих двоих. Просто сделай это побыстрее, пока цутигумо развлекается со своей служанкой.

Так цутигумо здесь не одна! Вот как паучиха так быстро настигла Мико — похоже, подслушанный разговор Райдэн вёл не с цутигумо, а с её служанкой. А сама паучиха всё это время была где-то рядом, и Мико её просто не замечала.

Мысленно поругав себя за невнимательность, Мико подхватила меч и развернулась к выходу. Внезапно она поняла, что чувствует себя гораздо лучше: головная боль утихла, а ноги держали крепче. Она оглянулась на Райдэна. Это он сделал? Но как? И как узнал, что она здесь? И как сумел обойти цутигумо? Мико нахмурилась, а Райдэн истолковал её взгляд по-своему.

— Прости, беглянка, но с тобой я не пойду. Мне пока что придётся задержаться. Советую бежать. Мой чуткий слух подсказывает, что хозяйка вернётся с минуты на минуту. И после своих утех она будет очень голодна.

Решив, что ответы на вопросы не стоят жизни, Мико побежала. Она мчалась не оглядываясь. Миновала тронный зал, оплетённый паутиной, и рванула в проход, что вёл наверх. Но, кажется, за ней никто не гнался.

Когда впереди замаячил выход, Мико прибавила шагу, несмотря на то, что лёгкие уже горели от быстрого бега, а катана оттягивала руку.

Солнечный свет ослепил её, но Мико не остановилась и поскакала по ступеням вниз с холма, как можно дальше от пещеры, как можно дальше от паучихи, как можно дальше от Райдэна.

Подосва соскользнула с мха, и Мико, едва не выронив меч, проехала остаток ступеней ногами вперёд. Копчику и спине такое путешествие не понравилось, хорошо хоть затылок удалось уберечь. Мико со стоном села и увидела Акиру. Он беспокойно ходил по площадке из стороны в сторону, так глубоко погружённый в свои мысли, что даже не заметил её впечатляющего появления.

— Акира, — позвала Мико, поднимаясь и отряхивая позеленевшие хакама. — Я вернулась.

Акира оглянулся на голос и замер, будто бы не веря своим глазам, потом его взгляд метнулся к мечу, и лицо просияло улыбкой.

— Я знал, что ты справишься! — сказал он и, вдруг оказавшись рядом, заключил её в крепкие объятия. — Я очень за тебя переживал! Тебя не было целые сутки!

Мико вздрогнула, укутая теплом широких рукавов.

60

— И ты всё это время был здесь?

— Я не мог уйти без тебя. Я верил, что ты обязательно вернёшься.

Скрывая улыбку, Мико уткнулась лбом в грудь Акиры. На душе почему-то потеплело. Её ещё никто так долго не ждал.

6. КИМОНО В СНЕГУ

Мико чувствовала себя наивной дурочкой, но ничего не могла поделать с тугим клубком смущения и радости в груди. Акира смотрел на неё с восхищением, почти с трепетом, как будто она действительно поразила его до глубины души. Он излучал тепло и свет, согревая им Мико и заодно весь лес, который будто ожил и расцвёл вслед за его улыбкой.

— Как же жаль, что я не видел твоего триумфа! Ах, если бы я мог хотя бы приблизиться к пещере, если бы мог прорваться сквозь заклятия! Но я рад, что тебе совсем не понадобилась моя помощь!

Ей было немного совестно — Акира искренне верил, что справилась она со всем самостоятельно, и Мико даже пыталась рассказать ему правду, но всякий раз, когда открывала рот, язык будто прилипал к небу, а ладонь, на которой Райдэн нарисовал знак, начинало жечь. Но Акира учтиво не расспрашивал её о подробностях, а вместо этого продолжал сыпать комплиментами, не сомневаясь в силе, ловкости и уме Мико.

Они устроили небольшой привал прямо в лесу, расположившись на камнях, и Акира достал из седельных сумок флягу с водой, онигири¹, завёрнутые в листья нори, и яблоки.

¹ О н и г и р и — рисовый пирожок с начинкой или без, обычно заворачивается в лист нори.

— Подумал, что ты наверняка проголодаешься, — сказал он, протягивая Мико рисовый колобок. — Страшно там внизу было?

Мико пожала плечами, не уверенная, что сделка позволит ей ответить, но на удивление у неё получилось:

— Страшно. — Она взяла рисовый колобок и уставилась на него невидящим взглядом, вспоминая холод пещеры, тесноту кокона и чёрные глаза Райдэна, от одного взгляда в которые у неё кровь стыла в жилах. Аппетита не было, от яда паучихи всё ещё подташнивало.

Нежные пальцы Акиры коснулись её ладони.

— Ты справилась, — вкрадчиво сказал он, и его янтарные глаза разогнали холод. И Мико снова почувствовала запах жасмина и весеннего ветра. — Для того чтобы спуститься туда, нужна была недюжинная храбрость, но ты не отступила. Ты не только спустилась в логово чудовища, но и вернулась целой и невредимой. Это повод для гордости. Ты потрясла меня. И моё сердце замирает от восторга, когда я смотрю на тебя.

Его рука сжала её ладонь, и Мико снова согрелась в лучах света, что излучал Акира. Она очень хотела ему поверить и одновременно очень боялась этого. Никто прежде не говорил ей столько приятных слов, не называл её потрясающей, не смотрел с восхищением. Ей одновременно хотелось принять похвалу Акиры и оттолкнуть её, убедить его, что это всё неправда, что это ложь и что сама она лгунья, недостойная его тепла. В конце концов, отчасти это было правдой. Она бы не выбралась без Райдэна, это не её заслуга. Но об этом Мико Акире рассказать не могла.

— Не сомневайся, — сказал он, будто угадал её мысли, — ты достойна каждого сказанного мной слова.